

И. С. ГАГАРИН

О примирении Русской Церкви с Римскою

<Фрагмент>

Тертуллиан не верил, чтобы римские императоры когда-либо приняли христианскую веру. «Кесари, — писал он своим обыкновенно энергическим языком, — не могут быть христианами, потому что они кесари». Ему казалось, что гордое могущество повелителей вселенной не могло поклониться смиренному игу Креста Господня.

Подобная несовместность существует ли между Россиею и католическою верою? Многие, по-видимому, так думают и по примеру Тертуллиана готовы утверждать, что Россия не может стать католическою.

Император Константин торжественно опровергнул Тертуллиана, и мы надеемся, что Россия, в свою очередь, докажет на деле противное тем, которые не хотят верить ее примирению с Западною Церковью. Конечно, это примирение сопряжено с большими затруднениями, но затруднения эти не непреодолимы, скажу более, они даже не так велики, как кажутся с первого взгляда и как их обыкновенно представляют.

И в самом деле, что надобно для этого? Изменить устройство Русской Церкви? Ввести иную веру, иные обряды, иное духовенство? Нимало. В глазах Рима русские епископы — истинные епископы, русские священники — истинные священники, приносимая ими на алтарях жертва, т. е. Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа, также истинна. В русских катихизисах не столько заблуждений, сколько пропусков, да и чего в них недостает, то богослужебные книги дополняют и поправляют. То же самое надо сказать и об устройстве Русской Церкви, в ней есть, без сомнения, плачевные искажения, введенные противозаконными посягательствами мирской власти; отвергая их, Римская Церковь никогда не думала осуждать различий, существующих между ее устройством

и своим собственным. Было время, когда, несмотря на все различия в обрядах и устройстве церковном, Восток и Запад составляли одну Церковь, и духовные чада той и другой были соединены узами одной и той же веры и любви.

Эти-то времена желалось бы нам созерцать снова, и всякий видит, что тут дело идет не о поглощении Русской Церкви Римскою, а просто о примирении. Для этого стоит только рассеять предрассудки, мешающие этому примирению, и показать выгоды, с ним соединенные. Такова цель настоящего сочинения. А так как вопрос об обряде в уме русского человека занимает едва ли не первое место, то с него мы и начнем.

Многие думают, будто бы, когда дело идет о приведении какой-либо частной Церкви к единству веры, Рим всегда замышляет навязать ей свое богослужение, свои обряды, свое чиноустройство. Мнение это совершенно несправедливо; но так как, несмотря на свою ошибочность, оно существует, то и опровержение требует некоторых подробностей. В изложении их мы будем опираться на такие свидетельства, которых законность и важность никто не отвергнет, а именно на буллу Бенедикта XIV¹, одного из ученейших первосвятителей Римской Церкви. Булла эта писана 26 июля 1755 года и начинается словами «Allatae sunt». Она напечатана в четвертом томе собрания его булл (стр. 241). Не должно забывать, что Бенедикт XIV составил ее после глубоких изысканий об этом важном вопросе об обрядах и что он начертал в ней правила, которым должно было следовать в воссоединении с Римскою кафедрою Восточных Церквей, от нее отделенных.

Говоря, между прочим, о миссионерах, подвизающихся о примирении, он приводит все их обязанности к двум главным. Во-первых, они обязаны рассеивать в умах восточных христиан заблуждения, принятые ими от прадедов, и чрез то отнять у них всякий предлог к дальнейшему разъединению со средоточием Христовой Церкви и к неподчиненности римскому первосвятителю. К достижению этой цели — опираться преимущественно на древних отцов Церкви Греческой, которые в догматических вопросах совершенно согласны с отцами Церкви Римской и которые единогласно с последними осуждают все заблуждения позднейших времен.

Во-вторых, они обязаны приводить Восточные Церкви к единству без всякого посягательства на их обряды как противного намерениям и постановлениям Римского престола и, что еще важнее, избегать с величайшим тщанием всякой попытки переводить их в латинский обряд, потому что римские миссионеры посылаются единственно для того, чтобы обращать иноверные народы в католическую веру, а вовсе не к римскому *обряду*.

Бенедикт XIV не только излагает там эти начала, но и подтверждает их многочисленными фактами, взятыми из церковной истории. Мы приведем из них три или четыре, самые разительные и притом относящиеся к самой России.

В XIII веке, как известно, были переговоры между папою Иннокентием IV и Даниилом Галицким о воссоединении Церквей. История передала потомству слова, коими папа выражает как нельзя яснее свое согласие на то, чтобы русские епископы и священники употребляли по-прежнему квасной хлеб за Божественною литургиею и вообще хранили все обряды, не противные католическому вероучению.

Есть еще другие две буллы, одна Льва X, другая Климента VII², в которых оба папы сильно упрекают некоторых латинян за то, что они осмеливаются порицать греческие обряды, одобренные и признанные Флорентийским собором, как-то: употребление квасного хлеба, брак священников пред поставлением, принятие Св. Тайн под двумя видами, обычай причащать младенцев.

В 1596 года при Клименте VIII³ некоторые епископы Западной Руси, тогда подчиненной Польше, возвратились в недра Католической Церкви. Знаменитый кардинал Бароний, рассказывая потомству об этом незабвенном событии, поместил в своей «Летописи» и грамоту русских святителей к папе. В этом крайне любопытном писании находится, между прочим, следующее: «Сохранив неприкосновенными обычаи и обряды, употребляемые в совершении богослужения и священных таинств по чину Восточной Церкви, и исправив единственно то, что противно единению, дабы все совершалось по древнему обычаю, как то было вдревле во время единения».

Для большей ясности прибавим еще один пример. В 1720 году униатские епископы собрались на Собор в Замоиске, где и подписали постановления, в силу которых некоторые из древних обычаев славянского обряда изменены, а другие даже совсем отменены. Они считали себя обязанными ввести эти перемены; но когда, как водится, деяния Собора поданы были на рассмотрение папе, Бенедикт XIII долгое время не решался подписывать их, так что грамота его, подтверждающая Замоиский собор, была дана только в 1724 году. Да и подтверждая принятые на нем постановления, папа сделал следующее ограничение: «Впрочем, данное нами одобрение Собора нисколько не должно быть предосудительно ни постановлениям римских первосвятителей, наших предшественников, ни уставам Вселенских соборов, касающимся обрядов и долженствующим, несмотря на сие подтверждение, сохранять всегда свою силу» (см. буллу *Allatae sunt*, п. 16.)

Это ограничение очень замечательно, оно некоторым образом противоположно обычной формуле «*Non obstantibus*»⁴, которую заключаются

папские буллы и постановительные грамоты. Обыкновенно в подобных грамотах папы отменяют противные постановления, или собственные, или предшествовавшие, здесь же Бенедикт XIII объявляет, что, несмотря на его грамоту, все прежние уставы, ей противные, сохраняют всю свою силу и законность. Другими словами, это просто исключение, сделанное по настаиванию частного Собора, исключение, не имеющее никакой законной силы в Церкви Вселенской.

Итак, Римский престол непрестанно трудился о воссоединении Восточных Церквей, борясь с тем, что находил в них противного своему вероучению, но в то же время воздавая должное «достопочитаемому» их обряду, как выражается Бенедикт XIV. Несмотря на малые успехи прежних попыток, папы до сих пор, не теряя надежды, продолжают великое дело своих предшественников. Доказательством тому нынешний папа Пий IX; в самом начале своего первосвященствования он обнародовал окружное послание к восточным иерархам, писанное в том же духе примирения и ссылающееся на помянутую буллу Бенедикта XIV «*Allatae sunt*».

Но так как этот вопрос чрезвычайно важен, то мы должны еще сказать кое-что в ответ на некоторые возражения. Мы утверждаем, что Римский престол постоянно и искренно пекся о соблюдении восточного обряда во всей его чистоте, так что не только отмена, но даже и изменение оно никогда не принадлежало в его глазах к числу условий мирного договора с Востоком.

Нам возражают фактами. «Пусть так, — говорят, — но каковы бы ни были определения и намерения пап, все-таки латинские миссионеры делали совсем противное, откуда выходит, что на самом-то деле Римская Церковь всегда старалась переводить к своему обряду племена восточного обряда, воссоединявшиеся с нею».

Правда, в Турецкой империи почти все греки католической веры перешли к латинскому обряду, исключая разве мельхитов Сирии. Правда и то, что в Польше много католических семейств приняло обряд латинский на место прежнего славянского. Факты эти допускаем и мы, но с тем вместе утверждаем, что они ничего не доказывают против нас и объясняются современными событиями, совершенно независимыми от воли римских владык или римских миссионеров. Так, в Турции до знаменитого Хатт-и-гумаюна, обнародованного 18 февраля 1856 года, все христиане греческого исповедания подчинялись Константинопольскому Патриарху. Те из них, которые признавали духовную власть папы, очевидно, не избегали чрез то притеснений со стороны Патриарха, остававшегося по-прежнему их властителем, не духовным, а мирским. Избежать оных иного средства не было, как переменить обряд: они и переменяли и таким образом

совершенно выходили из-под мирской его власти. Из сказанного понятно, отчего и как католики греческого обряда перешли к латинскому. Льготы, данные султаном Абдул Меджидом 18 февраля⁵, лишили Патриарха мирской власти над соотчичами; несмотря на то, до сих пор еще нельзя утверждать, чтобы каждому греку можно было безопасно приступить к общению с Римскою Церковью, оставаясь при своем обряде. Теперь пусть читатель рассудит, статное ли то было дело 100 или 200 лет тому назад?

В Польше обстоятельства были иного рода, хотя переходы от славянского обряда к латинскому совершались по причинам, похожим на предыдущие. В Польше было два обряда, два языка, две народности, перевес, разумеется, был на стороне поляков. Принимая латинский обряд, грековерец принимал и польскую народность и становился, так сказать, гражданином господствующей нации. Этого, кажется, достаточно для того, чтобы объяснить приводимые против нас факты. Под влиянием подобных побуждений, постоянно льстивших самолюбию и подстрекавших честолюбие, славянский обряд, естественно, был угрожаем латинским, а русская народность поглощаема польскою. Нет никакого сомнения, что там между обрядом и народностью существовала теснейшая связь. Если бы пределы настоящего сочинения позволяли развить нашу мысль во всей полноте, весь вопрос, будучи рассматриваем с этой точки зрения, озарился бы разительным светом. Да позволят нам, по крайней мере, сделать одно предположение. Вообразим себе на минуту, что Россия, сохраняя славянский обряд, входит в соединение с Римом; предположим сверх того, что польская нация, принадлежащая к латинскому обряду, находится в тех же отношениях к русскому правительству и к русской народности, в каких находились в прежние века униаты к Речи Посполитой и к польской народности: что случилось бы теперь в сделанной нами гипотезе, то было в ту пору в действительности. Что касается до меня, я нисколько не сомневаюсь, что в подобном случае славянский обряд стал бы распространяться без всякого даже содействия русских иерархов, так сказать, по необходимости, и немало семейств перешло бы из латинского обряда к обряду господствующего народа.

Эти размышления показывают в то же время одну из главных причин отчуждения России от католической веры. Для русских и для русского правительства католическая вера и латинщина — слова однозначачие, точно так же как латинщина и польщина; так что, по их мнению, успехи католической веры нераздельны с успехами польской народности, и не знаю, по какому сочетанию идей все, что благоприятствует польской народности, благоприятствует и духу

революционному. Одним словом, русские привыкли смешивать католицизм с революцией. Что они грубо ошибаются и что на самом деле нет ничего противоположнее революции, как католическая вера, в том я убежден как нельзя более, но дело не в том, справедливо ли такое мнение или нет, а в том, существует ли оно в России или не существует. Отвечаю положительно: да, существует, и даже имеет большой вес и потому заслуживает нашего внимания.

Итак, с какой стороны ни посмотришь на настоящий вопрос, приходишь к одному и тому же заключению. Из всех предрассудков, препятствующих воссоединению Русской Церкви с Римскою, самое злоторное состоит именно в смешивании католического вероучения с латинским обрядом. Как скоро русские убедятся, что можно сделаться католиком, сохраняя и причастие Телом и Кровью Спасителя, и квасной хлеб за литургиею, и богослужение на славянском языке, и брак священников, одна из главнейших преград к примирению исчезнет; но пока они будут полагать, будто бы Рим втайне замышляет привести их к своему обряду, в сердцах их останется недоверчивость и они не согласятся ни на какую примирительную меру. <...>

